

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 8.

23 ФЕВРАЛЯ 1858.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауфerta; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

Редакція находится въ Офцерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Котнера, кв. № 33.

Къ 8-му № прилагаются: 1) II-я вставка Собранія Театральныхъ пьесъ; содержание: Выгодная партія, оригинальный водев. въ 1-мъ дѣйствіи; — Находчивость, комед.-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи; — Вдовушка Сусанна, сцена изъ парижской жизни. 2) «Repos d'amour», этюдъ А. Гевзелта. 3) «Herbstblumen», вальсъ Брауна.

Содержаніе: Концертъ г-жа Леоновой (А. Сѣрова).—Письмо къ редактору (Фомы Диафоріуса). — Театральныя и музыкальныя вѣсти изъ разныхъ городовъ Россіи.—Письмо изъ Парижа. — Иностранный Вѣстникъ. — Приключеніе пианиста. — Музыкальныя анекдоты. — Концертъ гг. Монтинья, Прюма и Антона Коптскаго. — Концертъ режиссера Каратыгина — Музыкальныя извѣстія.

КОНЦЕРТЪ Г-ЖИ ЛЕОНОВОЙ,

14 февраля,

въ Александринскомъ Театрѣ, съ живыми картинами.

Говорить о вѣсхъ возможныхъ и невозможныхъ концертахъ мучительнаго для музыкантовъ сезона нѣтъ никакой надобности, но сказать пару словъ о нѣкоторыхъ слѣдуетъ. Къ числу этихъ исключеній принадлежитъ концертъ Д. М. Леоновой, всего болѣе потому, что составъ концерта и приемъ, сдѣланный публикою разнымъ пумерамъ программы, возбуждаетъ кое-какія размышленія,—напримѣръ такомъ въ родѣ:

Вопросъ: для чего въ програму концертовъ включаются пьесы исполняемыя оркестромъ (увертюры, антракты и т. д.)?

Ответъ: въ началѣ концерта—по принятому порядку, въ видѣ сигнала, что представленіе начинается; «въ среднѣи концертъ въ видѣ отдыха для слушателей пьесъ солистныхъ и для зрителей живыхъ картинъ; въ обоихъ случаяхъ, т. е. въ началѣ и въ среднѣи, въ видѣ лишняго баласта; котораго никто не слушаетъ, потому-что для однихъ это не принято, противно модному обычаю, для другихъ скучно до зѣвоты, если чуть музыка не столько-родни плясовой, разбитой, шикарной музыки, какъ напримѣръ послѣднее аллегро увертюры «Карла Смѣлаго».

Вопросъ: хорошо ли сдѣлала Д. М. Леонова, что изъ уваженія къ памяти Глинки, котораго совѣтами по искусству нѣнія имѣла счастье пользоваться, включила въ свой концертъ много сочиненій великаго русскаго музыканта?

Ответъ: хорошо въ отношеніи себя самой: стремленіе ея похвально, благородно; не хорошо съ той стороны, что музыка Глинки была не совѣтъ кстати въ подобномъ пестромъ концертѣ, передъ публикою, которая не въ состояніи сочувствовать истинной музыкальности, способна увлекаться только блескомъ виртуозности, мишурными эффектами и цыганизмомъ въ пѣніи, а на серьезныя инструментальныя пьесы не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Въ такомъ случаѣ любимый вальсъ или модная любимая полька безъ сомнѣнія больше у мѣста въ оркестрѣ Александринскаго Театра, нежели гениальная увертюра къ Холмскому.

Пишущій эти строки, при разъѣздѣ послѣ концерта Леоновой, слышалъ такое мнѣніе, что «концертъ вѣсхъ былъ хорошъ, да музыка Глинки испортила всю программу». Что такой приговоръ не уродливое исключеніе, а мнѣніе массы,—въ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что ни одна изъ пьесъ Глинки (кромѣ дуэта «Прости меня прости», обдѣланнаго Глинкою изъ мелодіи П. С. Оедророва) не вызвала аплодисментовъ.

Повторимъ за г. Ростиславомъ (переводя по-русски его французское изрѣченіе).

«Никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ!»

Прибавимъ еще, что по отношенію къ малопросвѣщен.

ности нашей «музыкальной» публики, такой музыкантъ какъ Глинка—явленіе слишкомъ рановременное. Много прои деть лѣтъ, десятковъ лѣтъ, пока его станутъ понимать какъ слѣдуетъ, да и то не въ массѣ; музыка его слишкомъ хороша, чтобъ сдѣлаться популярною.

Кромѣ этого *важнаго* предмета можно, по случаю концерта г-жи Леоновой, предложить разрѣшить нѣсколько мелкихъ вопросовъ, напимѣръ:

Вопросъ: для чего аккомпанировалъ пѣнію г-жи Леоновой и виолончели г. Монтиньи какой-то неизвѣстный господинъ?

Отвѣтъ: для того, чтобъ испортить романсъ Глинки «Какое чудное мгновенье». Аккомпанируя хорошую музыку, надобно быть музыкантомъ. Боязливо ковырять клавиши фортепiano еще не значитъ играть.—Въ дуэтѣ «Прости меня, прости» и въ нѣкоторыхъ другихъ піесахъ отлично аккомпанировалъ О. И. Дютшъ—для чего же нужно было еще прибѣгать къ «таланту» неизвѣстнаго господина?

Вопросъ: почему г. Булаховъ отчетливо исполнивъ очень хорошую арію Мейербера изъ Сѣверной звѣзды (съ оркестромъ, гдѣ дана арфѣ очень интересная роль) не возбудилъ никакого сочувствія въ публикѣ?

Отвѣтъ: потому что г. Булаховъ вообще не имѣетъ счастья вѣтися массѣ, а мейерберова арія (одна изъ лучшихъ, имъ написанныхъ) не можетъ нравиться, такъ какъ, по исключенію изъ мейерберовскихъ правилъ истинно-музыкальна.

Вопросъ: Почему г. Монтиньи имѣлъ огромный успѣхъ, въ концертѣ г-жи Леоновой, несмотря на свою благородную музыкальность и совершенное отсутствіе шарлатанства?

Отвѣтъ: потому что отличный виртуозный талантъ его былъ *новостью* для большинства нашей публики, а музыкальность въ сферѣ легкой, общедоступной, не превышаетъ ея пониманія. Да, молодой бельгійскій виолончелистъ вполне заслужилъ взрывы аплодисментовъ и на общее желаніе публики—повторить варіаціи на «Тройку» (которой онъ придалъ не русскій, но пріятный отбѣнокъ), отвѣчалъ другою піесой, лучшей изъ всего репертуара, фантазією на романсъ Ариона «Siloin». Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ громаднаго успѣха въ Александринскомъ Театрѣ слѣдующіе концерты отличнаго виолончелиста будутъ блестятельны.

Д. М. Леонову вообще слѣдуетъ очень благодарить за интереснѣйшій вечеръ, въ которомъ было много впечатлѣннѣйшихъ самыхъ разнородныхъ. А. Г. Ковтскій съ обычнымъ, великолѣпнымъ успѣхомъ сыгралъ свою фантазію на русскія темы.

Сама концертница исполнила два романса Глинки песовсѣмъ удачно («Я помню чудное мгновенье»—черезъ-чуръ медленно а «Сомнѣнье», который ей не совсѣмъ по голосу, слабо. Дуэты Глинки же («Прости меня» съ г. Булаховымъ, и «Вы не придете вновь» съ г-жею Булаховою) прошли очень мило. Но истинно отличилась Д. М. Леонова въ прелестной пѣсенкѣ А. С. Даргомыжскаго «У него ли русы кудри». Это не просто-пѣсенка а цѣлая игривая кокетливая сценка изъ русской комической оперы. Зачѣмъ *нѣтъ ихъ* на бѣломъ свѣтѣ! Г-жа Леонова, съ своими истинно-русскими отбѣнками голоса и манеры, занимала бы въ нихъ блестящее мѣсто.

А. СЪРОВЪ.

ПИСЬМО КЪ Г. РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Изъ подписи моей вы увидите, что я принадлежу къ полезному сословію бюетителей тѣлеснаго здравія, по принадлежу къ жрецамъ Гвгін, отчасти напоминаю собою заглавіе новой оперы одного Француза выстроенной па очень старой комедіи другаго Француза. Иначе и короче: если я врачъ, то «врачъ по-неволю» и всею душою предаю—увѣ! не Эскулапу, а его батюшкѣ Аполлону со всѣми девятью его собесѣдницами.

Въ этомъ отношеніи страданія Берліоза, всему свѣту извѣстны изъ его біографіи и фельетоповъ, его колебанія между театромъ анатомическимъ и театромъ, гдѣ даются оперы Глука, между разъятіемъ труповъ и разъятіемъ партитуръ, слишкомъ близко напоминали мнѣ мои собственные тяжкія страданія! Никогда еще біографіи Берліоза я не могъ читать безъ слезъ живѣйшей симпатіи.

Но между Берліозомъ и нашимъ покорнѣйшимъ слугою, какъ вы сами догадаетесь, вышла огромная разница. Ему удалось покинуть поприще, для котораго онъ не родился, и онъ, послѣ долгой, упрямой борьбы, сталъ твердою ногою среди всесвѣтныхъ знаменитостей. Вашему покорному слугѣ не удалось перейти па то поприще, къ которому его тянуло съ младенчества, и вотъ онъ такъ и остался: музыкантомъ между медиками и медикомъ между музыкантами! По официальнымъ занятіямъ достигъ «чиновъ и почестей извѣстныхъ»,

а искусству служить въ часы досуга, не разсчитывая уже ни на какую знаменитость.

Вы въ полномъ правѣ воскликнуть: «М. г. позвольте васъ спросить, какое мнѣ дѣло до всего этого?»

Прошу минуточку терпѣнія и дѣло объяснитея само-собою, т. е. дѣло-то будетъ съ моей стороны, а именно: убѣдительнѣйшая къ вамъ просьба.

Изъ сказаннаго выше вамъ, г. редакторъ, уже извѣстно, что я *люблю* музыку—

«О нѣтъ, не *люблю!*

Нѣтъ, я страстиіи

Ее обожаю душой».

(Это изъ одного романса Глинки и мелодія на эти стихи—безподобна!)

Хорошая музыка дотога меня всего охватываетъ даже «in spe», что если вамъ случится хворать на второй, четвертой или шестой недѣлѣ великаго поста, меня въ доктору не приглашайте,—я въ состояніи буду въ разсѣянности прописать вамъ вмѣсто рецепта программу симфоническихъ концертовъ въ капеллѣ (вотъ-то концерты!)

Любя музыкальное искусство, горячо люблю также, когда объ немъ *дально* толкуютъ, и всегда, въ этомъ отношеніи, говорю большое спасибо вашему Вѣстнику. Онъ вѣстничаетъ, правду сказать, еще довольно-безвѣстно (такому журналу надо бы во сто разъ больше популярности), но свое дѣло понемножку дѣлаетъ. А что бы тамъ ни проповѣдывали, что дескать у насъ нельзя еще разсуждать о музыкальныхъ предметахъ съ публикой серьезно, будто съ

Нѣмцами, не знаю, или уже приписать это слѣдует моему *перусскому* происхожденію, для меня чѣмъ *серьезнѣе* статья о музыкѣ, тѣмъ лучше:—больше правды и дѣла.

Направленіе, высказанное въ *увертюрѣ* вашего журнала (въ статьѣ «Музыка и толки о ней» въ № 1-мъ М. и Т. Вѣстника за 1856 г.), возбудило тотчасъ все мое сочувствіе и потомъ я съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ, что эта серьезность направленія постоянно поддерживается.

Замѣтилъ я въ вашемъ журналѣ (по части музыки) и другихъ дѣятелей въ томъ же вкусѣ.

Статья: «Письмецо къ г. Ростиславу про Глипку» доставила мнѣ искреннюю радость.

Во-первыхъ: *полемика*; признаюсь, грѣшный человѣкъ, люблю глазѣть, когда другіе двое дерутся, особенно когда не въ шутку и кто-нибудь остается побѣдителемъ.

Во-вторыхъ: рѣчь въ пользу Глипки, обожаніе музыки котораго во мнѣ и границъ не находитъ.

Въ-третьихъ: отпоръ музыкальному фельетонисту Сѣверной Пчелы а его «бесѣды», совершенно въ унисонъ жужжанію самой Пчелки, меня каждый разъ доводятъ до перваго раздраженія (*irritatio nervosa*). Я былъ такъ доволенъ въ первомъ году Вѣстника, что въ немъ не пропускались случаи выказывать г. Ростиславу его забавные промахи и ложность его убѣжденій (если еще разглагольствованія его можно назвать *убѣжденіями*!)

Но къ сожалѣнію моему полемика у васъ что-то примолкла, и уже давненько, а случаи раздраженія такъ-бывали. Тутъ, какъ пріятная неожиданность, явилось дѣльное «письмецо» г. Стасова. Я и полагалъ: пу, опять бой загорится, опять брошена перчатка! Такъ и вышло. Г. Ростиславъ, вѣроятно крайне-разобиженный паденіемъ г. Стасова (котораго одну статью онъ помѣстилъ когда-то въ Сѣверной Пчелѣ, спавдивъ эту статью нѣсколькими словами *покровительства*, по своему обыкновению), *домо* крѣпился («письмецо» напечатано, помнится, въ октябрѣ 1857), наконецъ не выдержалъ и въ № 30-мъ Сѣв. Пчелы разразился полемической выходкой.

Но вотъ проходятъ дни, недѣли, а эта выходка (которую, какъ сейчасъ увидите, простить невозможно) остается безъ возраженія. Неужели такъ и останется? Между тѣмъ г. Ростиславъ, видя, что противники его заснули что-ли, пользуется этимъ и, забывъ горькіе уроки имъ полученные, въ новой бесѣдѣ (№ 35-й Сѣв. Пч.) по-прежнему и съ какою-то особенною *храбростью* кадитъ ониміамъ памяти Улыбышева (котораго самъ, по слѣдамъ другихъ недавно уличалъ въ пристрастіи и непониманіи Бетховена) и мало того! дѣлаетъ дѣльное сравненіе между оперой: Жизнь за Царя и (чѣмъ бы вы думали?)—*Травиатой!*

Вы догадываетесь, г. редакторъ, что моя просьба будетъ заключаться въ томъ только, чтобы вы помѣстили въ вашемъ журналѣ слѣдующія строки моя, которыя напи-

сапы въ защиту вашихъ же сотрудниковъ. Молчаніе ихъ самихъ противъ г. Ростислава, придавшее ему новую бодрость къ новымъ подвигамъ на поприщѣ и незнавіи, стало для меня невыносимо и я рѣшился на этотъ разъ преодолѣть свою застѣнчивость, выступая на публичную полемическую арену. Полагаю, впрочемъ, что для борьбы съ г. Ростиславомъ ни особенной храбрости, ни особенно-сильнаго оружія и не требуется.

Вотъ какъ начинается г. Ростиславъ свое возраженіе (въ № 30 Сѣв. Пчелы, сдѣлавъ таковой аргументъ бесѣды: Взрослые люди и дѣти.—Младенчество музыкальной нашей критики.—Процессъ квинтъ и кверштандовъ.)

«Въ благовоспитанномъ обществѣ взрослыхъ людей почти никогда не бываетъ шумныхъ ссоръ, рьяныхъ споровъ и неприлично-крупныхъ разговоровъ. Тамъ соблюдаются правила общежитія, строгое приличіе, и каждый старается менѣе или болѣе угодить другъ другу. По наберите дюжину дѣтей и оставьте ихъ безъ всякаго присмотра, не пройдетъ и двухъ часовъ безъ того, чтобы они между собою не перессорились. Достоинно замѣчанія, что скромность, учтивость и уступчивость ни мало не ограждаютъ въ такомъ случаѣ, а напротивъ тѣмъ болѣе возбуждаютъ придирки самыхъ задорныхъ.»

Съ самыхъ первыхъ словъ мысль совершенно-ложная. Какъ, неужели въ обществѣ взрослыхъ людей, хотя бы и благовоспитанныхъ, *никогда не бываетъ* ни споровъ болѣе или менѣе *рьяныхъ*, ни разговоровъ болѣе или менѣе *крупныхъ*, ни настоящихъ *ссоръ*? Помилуйте, г. Ростиславъ, среди какого это ангельскаго общества вы живете, что не встрѣчали ничего подобнаго между благовоспитанными? Мнѣ такъ, напримѣръ, очень часто доводилось давать медицинскія пособія дамамъ самаго высшаго круга, которымъ дѣлалось дурно, до обморока, ни отъ чего ипаго, какъ вслѣдствіе *крупныхъ разговоровъ*, или такъ называемыхъ *сценъ*. Люди вездѣ люди, не ангелы, и всякій, кто дорожить своею мыслью, своимъ убѣжденіемъ, непременно отстаиваетъ его сильно, горячо, наконецъ рѣзко. Степень всего этого зависитъ отъ темперамента, отъ характера.

У кого же на мѣсто мысли, убѣжденія и характера, одно *святское приличіе*, тотъ, безъ сомнѣнія, горячиться въ спорѣ не станетъ. Но выигрываетъ ли *правда* отъ подобныхъ экземпляровъ?

Рѣдкое засѣданіе какого-нибудь делиберативнаго общества, комитета, коллегіальнаго присутственнаго мѣста и т. д. обходится безъ *диспута*. Это даже закономъ допускается. Выйдетъ ли этотъ диспутъ—слабымъ, мягкимъ, вялымъ, или сильнымъ, горячимъ, *рьянымъ*,—это дѣло случая, т. е. именно въ прямой зависимости отъ характера спорящихъ, отъ степени любви ихъ къ правдѣ, отъ ихъ знаній и отъ предмета спора.

Политическія газеты почти въ каждомъ номерѣ заносятъ въ свои столбцы парламентскія пренія, т. е. *споры* иногда очень жаркіе, а одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ свѣтѣ журналовъ самымъ *заглавіемъ* представляетъ рѣзкое опроверженіе «принципу» г. Ростислава.

Что такое значитъ далыѣйшая апоотега г. Ростислава,

что въ благовоспитанномъ обществѣ *каждый старается больше или меньше угодить другъ другу?*

Это, быть можетъ, правда въ отношеніи самыхъ пустыхъ, ничтожныхъ условій *паркетной* жизни (дать другому дорогу въ дверяхъ, уступить стулъ и т. д.) и то еще съ большимъ ограниченіями. Но во всемъ, гдѣ дѣло идетъ о чемъ-нибудь *серьезномъ*, эта свѣтская *всеугодливость* не имѣетъ ни малѣйшаго примѣненія. Скажу болѣе: еслибъ она существовала — рушилась бы вся умственная жизнь. Впрочемъ смѣшно объ этомъ распространяться: правило г. Ростислава приводитъ примѣрочко къ *безмыслицу*.

Выставляемая г. Ростиславомъ въ собственную пользу похвальныя качества: *скромность, учтивость, уступчивость*, ни дать ни взять — «таланты» Молчалина.

Но вѣдь когда Молчаливъ высказываетъ Чацкому драгоценное правило:

«Какъ намъ смѣть —
Свое сужденіе имѣть!»

Чацкій отвѣчаетъ на это: *Помилуйте, мы съ вами не ребята.*»

И съ Чацкимъ, конечно, согласны все — кромѣ Молчалиныхъ.

Тотъ, кто *слыло, прямо, открыто, передъ лицомъ всего читающаго міра высказываетъ свое убѣжденіе*, не находя никакой надобности прятаться, согласно обстоятельствамъ, то за Петра, то за Ивана, — тотъ, по меньшей мѣрѣ, *не ребенокъ*.

Кудажъ дѣвается примѣненіе ребячества къ русской музыкальной критикѣ, дѣлаемое г. Ростиславомъ?

Онъ изъясняетъ свое *вѣщее* сожалѣніе, что музыкальная критика паша находится еще въ младенствѣ, но на чемъ же это онъ основываетъ?

Вотъ текстъ г. Ростислава:

«*Ребяческое увлеченіе, пустыя придирки къ словамъ, отрицаніе авторитетовъ, притязаніе на ученость*, — вотъ отличительныя качества и свойства повѣйшихъ нашихъ музыкальных критиковъ».

Увлеченіе, — положимъ, но почему же это качество дурно? безъ собственного увлеченія нельзя увлечь въ свою сторону и другихъ. Холодность развѣренная, математическая — драгоценнѣйшее качество для аптекаря, а въ предметахъ художественныхъ большею частію не кетати. Теперь зачѣмъ «увлеченію» приданъ эпитетъ *ребяческаго*? Загѣмъ что г. Ростиславу это слово пужно было для придуманной паралели съ *дѣтьми*. Но паралель, какъ мы видѣли, никуда не годится, — вычеркнемъ же и слово.

Придирки къ словамъ, — но вѣдь словами выражаются мысли. Тамъ гдѣ г. Ростиславу кажется, что его противникъ придирается къ слову, дѣло вовсе не въ словѣ, а въ *мысли*.

Отрицаніе авторитетовъ — а! въ самомъ дѣлѣ, какъ же это можно! Весь свѣтъ считаетъ такого — то господина за *знатока* музыки, вдругъ какіе-то двое, трое, осмѣливаются *видѣть изъ неопровержимыхъ фактовъ*, что вышерѣченный господинъ по музыкѣ *аза въ глаза не знаетъ!* Это, дѣйствительно, больше чѣмъ преступленіе, — это дерзость:

Они тотчасъ: разбой, пожаръ!

И прослышешь у нилъ мечтателей опенныхъ!

По молчалинскимъ правиламъ *не слѣдуетъ вѣрять* ни глазамъ своимъ, ни ушамъ, если глаза и уши осмѣливаются *противорѣчить* общему, всеми принятому приговору.

Притязаніе на ученость. Вѣроятно въ доказательство этого качества «новыхъ» музыкальных критиковъ одинъ изъ «прежнихъ» ополчается противъ мнѣній, высказанныхъ г. Стасовымъ въ *письмѣцѣ про Глинку*. Но вѣдь чтобы доказать *притязанія* на ученость, т. е. уличить кого-нибудь въ шарлатанствѣ учестію, надобно выставить ошибки, противорѣчія статьи съ истинною ученостію, съ выводами современной науки. *Сдѣлалъ ли это* г. Ростиславъ въ отношеніи статьи г. Стасова изъ которой приводитъ нѣсколько строкъ (для осторожности не упомяная имени автора)? Нисколько не сдѣлалъ!

Для читателей такого журнала какъ Сѣверная Пчела, русскаго, неученаго и неспеціальнаго по искусству, безъ сомнѣнія слишкомъ немудрено бросить пыль въ глаза именами Палестрины, Монтеверде (не Монтеверди, какъ пишетъ г. Ростиславъ, вѣроятно мечтая о Травіатѣ) и наконецъ *нѣкоего Габоріуса* (имя это г. Ростиславъ прискалъ на 41 стр. 2 тома улыбышевской книги о Моцартѣ, и прискалъ, увѣряю васъ, въ насмѣшку надъ моею фамиліею. Онъ сердитъ на меня лично за одно медицинское обстоятельство: *il m'a pris en grippe pour sa grippe*).

Но того, что сказалъ г. Стасовъ, повторяя слова глубочайшаго изъ современныхъ теоретиковъ, Маркса, нельзя опровергнуть двумя строчками порхающаго фельетона, въ которомъ и вышеозначенныя имена, и *квинты* и *квертитанды* и *употребленіе ихъ*, и *Рейха* и *четвертая* манера Бетховена (*) красуются, по обыкновенію г. Ростислава, только для слова, а не для дѣла, для *вѣщаго* эффекта передъ публичною Сѣверной Пчелы, а не для подкрѣпленія истины, которой г. Ростиславъ въ настоящемъ случаѣ вовсе *не сознаетъ*, иначе не сталъ бы и воевать противъ логическихъ доводовъ «письмеца».

Впрочемъ — какой логики, какого вниканія въ предметъ, какого знанія дѣла можно ожидать отъ фельетониста, который не посоветился сравнить «Жизнь за Царя» съ Травіатой и придумалъ это сравненіе единственно потому, что *ему лично* довелось въ послѣдній день масляницы быть въ одинъ вечеръ и въ Большомъ Театрѣ, гдѣ исполняли Травіату, и въ Театрѣ-Циркѣ, гдѣ шла опера Глинки?

Значитъ, еслибъ г. Ростиславу случилось во время концерта въ капеллѣ, гдѣ исполняли С-moll-ную Симфонію Бетховена, выйти на улицу, прослушать, какъ шарманка наигрывала «Ваньку-Таньку», и потомъ снова возвратиться въ концертъ, читатели Сѣверной Пчелы непременно получили бы сравненіе С-moll-ной симфоніи съ «Ванькой Танькой».

Да, еслибъ русская музыкальная критика была *по-прежнему* достояніемъ г. Ростислава, дѣйствительно можно бы

*) До сихъ поръ говорили о трехъ манерахъ или стилихъ великаго музыканта; — Г. Ростиславъ отыскалъ какую то *четвертую!* — не будетъ ли скоро и пятой и шестой?

назвать ее и ребяческою и младенческою, и искренно, глубоко пожалѣть объ пей.

Вотъ, г. редакторъ, все, что мнѣ хотѣлось высказать на выпѣшнѣй разѣ. Письмо мое не обременитъ листовъ Вѣстника вашего, а видѣть себя въ печати по музыкальнымъ дѣламъ—мнѣ доставило бы *вяще* наслажденіе; не отрицаете же моеи всепокорной просьбы.

Съ истиннымъ уваженіемъ и проч.

ВОМА ДІАФОРІУСЪ,

Medicinae et Chirurgiae doctor.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ВѢСТИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ГОРОДОВЪ РОССІИ.

Изъ спектаклей харьковскаго театра, данныхъ въ концѣ января, было только нѣсколько бенефисовъ стоящихъ пермного вниманія. Такъ въ бенефисъ г-жи Бобровой шла драма *Станціонный смотритель*. Г. Рыбаковъ былъ превосходенъ въ роли зрителя. Особенно рельефно вышли у него сцены во 2-мъ дѣйствіи, когда глубоко огорченный отецъ почти выгнать своею обезчещенною дочерью, и въ 3-мъ, когда бѣдный старикъ умираетъ на чужихъ рукахъ, плача о своей неагидной Душѣ. Разсказъ его на смертномъ одрѣ о побѣгѣ дочери и ея воображаемой смерти былъ проникнутъ такой простотой, такой душевной грустью, что невольныя слезы были на глазахъ многихъ зрителей. Сама бенефициантка была въ этой пьесѣ только удовлетворительна. Ктому же замѣтимъ, что г-жа Боброва была слишкомъ хорошо одѣта для женщины, обезумѣвшей отъ насмѣшекъ цѣлой деревни и правдивно убитой положеніемъ отца, который не узнаетъ дочери. Изъ вводныхъ лицъ очень хороша была г-жа Ладина въ роли барыни съ претензіями на французскій языкъ и большимъ штатомъ прислуги. Спектакль окончился уморительнымъ фарсомъ: *Квартира съ отопленіемъ*. Въ бенефисъ актера Выходцева былъ представленъ *Ревизоръ*. Бѣдный Гоголь, бѣдный *Ревизоръ*, бѣдная публичка! Большая часть актеровъ не знала своихъ ролей и руководствовалась не столько сублиромъ какъ собственнымъ вдохновеніемъ. Въ бенефисъ Пронскаго данъ *Гамлетъ*. Рыбаковъ слишкомъ устарѣлъ для роли Гамлета, хотя и исполнилъ ее очень хорошо.

Изъ концертовъ было два: какихъ-то заѣзжихъ артистовъ, гг. Црокеша и Бауреръ. Эти артисты вѣроятно были слишкомъ невыгоднаго мнѣнія о понятіяхъ харьковской публики въ музыкальномъ залѣ, пригласивъ ее слушать музыку раздражающую уши. Зато музыкальное утро д-цы Тимофѣевой вполне вознаградило Харьковцевъ за скуку, выпесенную изъ предъидущаго. Г-жа Тимофѣева не европейская знаменитость, не заграничная пѣвица, а наша русская домопощенная, получившая воспитаніе въ Одессѣ, въ первый разъ рѣшившаяся пѣть передъ публикой. Ея сильный, полный пѣги и выразительности, симпатичный сопрано произвелъ пріятнѣйшее впечатлѣніе на слушателей и невольно вызвалъ восторженныя ихъ рукоплесканія.

Мы въ первый разъ пишемъ объ иркутскомъ театрѣ, по случаю пріѣзда въ недавнее время туда новой актрисы г-жи Анаевой-Пряхиной. Чтобы имѣть нѣкоторое понятіе объ этой актрисѣ, мы нелишнимъ считаемъ, вкратцѣ сообщить ее біографію. Дѣвица Пряхина воспитывалась въ петербургской Императорской Театральной школѣ; она была тамъ папсіонеркою графа Ш. и окончила свое воспитаніе для балетной труппы въ одно время съ извѣстной танцовщицей Андреяновой. Когда знаменитая Тальони оставила петербургскую сцену, дѣвицѣ Пряхиной предстояло соперничество съ Андреяновой, и оно должно было рѣшить, которой изъ нихъ будутъ принадлежать лавры перваго амплуа русской балетной труппы. Но своеправная судьба рѣшила участь ея иначе; дѣвица Пряхина по нѣкоторымъ причинамъ должна была остаться на второмъ планѣ, или перейти на оперную сцену. Но какъ она сознавала, что на оперной сценѣ не могла имѣть такого успѣха, какъ въ балетной труппѣ, то по совѣту благодѣтелей своихъ должна была принять предложенное ей въ труппѣ воронежскаго театра, бывшей въ то время въ славѣ и поддерживаемой губернскимъ предводителемъ дворянства, богатымъ помѣщикомъ П. П. Т. Послѣ того она играла на харьковской, пензенской и саратовской сценахъ, а въ 1855 году явилась съ труппой содержателя Ярославцова въ Красноярскъ: здѣсь въ томъ же году вышла замужъ за капельмейстера театральнаго оркестра г. Анаева, и потомъ вскорѣ явилась въ Иркутскъ. Первый дебютъ ея былъ въ роли Маріи, въ *Дочери полка*; — эта роль доставила дебютанткѣ всю возможность показать публикѣ своей сценической талантъ; особенно хороша была сцена прощанія Маріи съ полкомъ, въ которой она заслужила общій аплодисментъ. Въ заключеніе спектакля, г-жа Пряхина появилась въ своей настоящей сферѣ и исполнила съ полнымъ искусствомъ солетки «Испанскій танецъ»; по требованію публики она должна была повторить его при громкихъ, непрерывныхъ аплодисментахъ всей залы. Потомъ она являлась съ успѣхомъ въ драмѣ: «Материнское благословеніе» и въ «Дочери русскаго актера». Однимъ словомъ съ каждымъ днемъ, съ возрастающимъ восторгомъ встрѣчаютъ г-жу Анаеву-Пряхину на иркутской сценѣ, — доказательствомъ тому служить то, что за недѣлю до представленія всѣ ложи и кресла бывають разобраны.

Знаменитый парижскій комикъ Левассоръ далъ въ Ригѣ 6 представленій. Каждый разъ онъ являлся въ трехъ или четырехъ сценахъ совершенно различныхъ. Во всѣхъ роляхъ своего репертуара, какъ напр. *Тити*, *Школьный учитель*, *раздающій призы*, *Театральный прислужникъ*, *Меломанъ Англичанинъ*, Левассоръ былъ безукоризненно хорошъ. Между его сценами даны двѣ веселыя комедіи: *Vadecuren* и *der Universalerbe*, разыгранныя лучшими актерами рижской драматической труппы. Оперная рижская труппа обогатилась новой пѣвицей, прибывшей изъ Штетина, г-жею Ховницъ-Штейнау. Голосъ ея, гибкій и обширный сопрано, хорошо обработанъ; игра ловка и не принужденна, наружность очень пріятная. Г-жа Ховницъ-Штейнау пѣла въ *Дочери полка*, *Севильскомъ цирюльникѣ* и въ оперѣ *Обера: Les diamants de la couronne*. Всѣ эти партіи выполнены мо-

лодою пѣвицею очень отчетливо и со вкусомъ,—особенно хорошо выходить у пей рулады и трели. Однимъ словомъ г-жа Ховницъ-Штейнау прекрасное приобретение для рижской оперы. Также замѣчательнъ былъ дебютъ первой танцовщицы мадритскаго театра: Альбины ди Рона. Прелестная Испанка исполнила нѣсколько своихъ національныхъ танцевъ: *le Madrilaine, Ele Ole, el Zapateado* и др. Ея южные танцы, полные огня и пѣги, порядкомъ разшевелили сердца хладнокровныхъ Нѣмцевъ. Въ Ригу еще пріѣхало маленькое тріо семейства Рачекъ. Оно состоитъ изъ двухъ братьевъ и сестры. Старшему брату 13 лѣтъ, второму 12, сестрѣ 10 лѣтъ. Всѣ трое играютъ на скрипкѣ и играютъ какъ истинные артисты. Маленькіе виртуозы исполнили нѣсколько трудныхъ піесъ; сила и энергія въ игрѣ и сверхъ того бездна чувства—вотъ отличительныя свойства таланта маленькихъ скрипачей. Въ дерптскихъ газетахъ очень хвалятъ виолончелиста Портена, давшаго въ Дерптѣ два концерта съ большимъ успѣхомъ. Карлъ Шубертъ, нашъ превосходный виолончелистъ, далъ также концертъ въ Дерптѣ, а оттуда поѣдетъ въ Ригу. Въ его концертѣ принималъ участіе нѣмецкій пѣвецъ Бремме, очень пріятный теноръ. Въ то время какъ мы пишемъ эти строки Рига обогатилась еще одной дорогой гостьей. Наша русская сирѣнда, неподражаемая Надежда Богданова, отправляясь въ Берлинъ, остановилась на короткое время въ Ригѣ и дала тамъ, какъ слышно, три представленія.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

19-го февраля.

Масляница прошла, а съ нею кончился и нашъ праздникъ. Куда дѣвались толпы веселыхъ масокъ, слѣдовавшихъ за процессіей карнавальнаго быка (*du boeuf gras*); нынѣшній годъ кортежъ быка отличался разнообразіемъ и даже богатствомъ костюмовъ; куда вѣзлись неутомимые танцоры баловъ Большой Оперы, которые въ послѣдніе дни карнавала танцевали до истощенія силъ, увлекаемые волшебнымъ смычкомъ Мюзара. Все смолкло, затихло; постъ вступилъ въ свои права и бѣшеное веселье смѣнилось процессіями кающихся. А кому же и каяться какъ не Парижанамъ?.. Они веселятся безумно, но за то никто не умѣетъ такъ хорошо пользоваться веселымъ временемъ карнавала какъ они. Въ нынѣшнемъ году карнавалъ былъ очень коротокъ и продолжался не болѣе двухъ недѣль; балы, званые обѣды, музыкальные вечера какъ и всегда смѣнялись быстро одинъ другимъ;—особенно много было нынче костюмированныхъ баловъ. Не говоря уже о послѣднемъ праздникѣ Миреса, или великолѣпною *bal travesti* Фульда, костюмированный балъ, данный однимъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ адвокатовъ, г. Демаре, отличался необыкновеннымъ блескомъ и пышностью костюмовъ,—о немъ много говорили въ Парижѣ. Особенно замѣчательна на этомъ балѣ была кадрия, составленная изъ *живыхъ картъ*. Червонную даму олицетворяла очаровательная блондинка, которой здѣсь не назовемъ,

а пиковые и бубновые валеты смиренно слѣдовали за своей повелительницей. Г-жа Миресъ была одѣта *трефовой дѣвчаткой*,—всѣ трефы были изъ крупныхъ брилліантовъ. Однимъ словомъ балъ этотъ не скоро забудется въ лѣтописи парижскихъ празднествъ. Маскарады также шли своимъ порядкомъ и отличались многолюдствомъ. Кстати о маскарадахъ: позвольте рассказать вамъ исторію одного критика и одной *ingénue*, исторію, скрывающую подъ игривой формою полезное правоученіе. Мы только не въ правѣ снять маску съ актеровъ этой маленькой сцены парижскихъ правотъ и назовемъ критика Асмодеемъ, а *ingénue* Рафелой. Итакъ, въ послѣдній вторникъ карнавала, на балѣ Оперы Асмодей, одѣтый весь въ черное, какъ пажъ сира Мальбруга, въ бархатномъ плащѣ, усѣянномъ мертвыми головами, прогуливался взадъ и впередъ по корридору перваго яруса и казался очень не въ духѣ.

— О! влюбленный сатана! раздался подлѣ него чей-то голосъ.

Асмодей обернулся; передъ нимъ стояло черное домино.

— Прекрасная маска, ты болтаешь вздоръ!..

— О! о!.. влюбленный сатана! повторилъ тотъ же голосъ.

— Ты лжешь, песнопная маска! вскричалъ всплывчиво Асмодей.

Атласная маска коснулась его щеки, маленькая ручка взяла его подъ руку.

— Добрый сатана, ты неучтивъ, прошепталъ ему на-ухо пѣжный голосъ, звучащий какъ *mi-bémol* Шопена.

Считаемъ лишнимъ прибавить, что маленькая ручка и серебряный голосъ принадлежали женщицѣ въ прелестномъ черпомъ домино.

— Милый ангелъ, началъ Асмодей, держу пари, что ты меня не знаешь?..

— О!.. влюбленный сатана! возразило со смѣхомъ домино.

— Опять!

— Развѣ ты не влюбленъ?

— Можетъ быть влюблюсь въ тебя...

— Какъ, уже?—Продолжалъ разговоръ, домино увлекло Асмодея до бенуара съ рѣшеткой, и заставивъ его войти въ ложу, тщательно заперло двери. Изъ бенуара можно было видѣть всю залу, но никто изъ залы не могъ разсмотрѣть парочки, уединившейся въ глубинѣ ложи.

— Меня зовутъ *Эстреллой*, продолжало черное домино.

— Изъ Севильи? прибавилъ съ ироніей Асмодей;—очень хорошенькое имя.

— Оно тебѣ нравится?

— Очень!

— Тѣмъ лучше!.. Я продолжаю... Мнѣ восемнадцать лѣтъ!

— Поздравляю!.. Самые счастливые годы!

— Я хороша собой!— Тутъ голосъ домино какъ-будто задрожалъ; такъ какъ Асмодей ничего не отвѣчалъ, домино протянуло ему крошечную, прелестную ручку.

— Суди по рукѣ, хороша ли я?— Асмодей подошелъ

бляже и поднесъ къ губамъ ручку, граціозно протянутую.— Не спорю, ты хороша, но я рѣшительно не понимаю...

— Какъ? Ты сатапа и не понимаешь?

— Что дѣлать? Ангелъ сотворенъ всегда смущать сатану.

— А, наконецъ-то я узнаю тебя! И такъ слушай: я сказала, что я молода и хороша, но ты не знаешь, добра ли остроумна и свободна?

— На это тебѣ отвѣчу: ты остроумна, должна быть добра, но что касается до свободы...

— Я свободна!... Вотъ этого-то нашъ Асмодей болѣе всего боялся.

— Сердце мое свободно... однако я люблю... тебя!

— Такъ и есть! подумалъ Асмодей; сердце свободно, но не утерпѣло, чтобъ не высказать своей любви. О! женщины, женщины!

— Я люблю тебя, повторило домино; скажи только слово и моя молодость, красота, любовь, все будетъ тебѣ принадлежать...

— Ого! подумалъ Асмодей, ангелъ чертовски смахиваетъ на пересказывшуюся Магдалену!.. Однако прибавилъ: Что же прикажешь дѣлать, чтобъ достигъ такого счастья...

— Вотъ мои условія?.. Домино вынуло изъ своего широкаго рукава журналъ, развернуло его и остановило палецъ на статьѣ, подписанной Асмодеемъ.

— Чортъ возьми,—моя проза! замѣтилъ критикъ.

— Ты узнаешь свою статью... Я буду откровенна: статья твоя не дастъ мнѣ спать, какъ въ древности лавры соперника убивали соплъ одного знаменитаго воина... Если ты меня любишь, то уничтожишь этотъ панегирикъ.

— Мнѣ очень жаль, что долженъ отказать тебѣ, прекрасная маска, но что напечатано, того не переменить... Асмодей холодно поклонился и пошелъ къ двери.

— Мой милый критикъ, ты мой нѣппикъ и не выйдешь отсюда... по крайней мѣрѣ узнаешь ли меня наконецъ?

— Ты соперница Рафаэлы! (Рафаэла, какъ мы уже сказали, вымышленное имя, скрывающее извѣстную артистическую личность въ Парижѣ).

— Наконецъ-то ты поумнѣлъ, милый Асмодей; впрочемъ согласенъ, вѣдь у Рафаэлы нѣтъ большаго таланта?

— Напротивъ, я нахожу, что у нея превосходный талантъ.

— Однако между нами не можетъ быть никакого сравненія?...

— Я того же мнѣнія, холодно отвѣчалъ Асмодей.

— Злой насмѣшникъ, ты любишь Рафаэлу! Она не очень хороша!

— Она очень умна!... но я не сказалъ, что люблю ее.

— Послушай, продолжало домино ласкающимъ голосомъ, пожертвуй мнѣ Рафаэлой... забудь ее... ты можешь ей оставить маленькій уголокъ въ своемъ сердцѣ, только...

— Только послѣ тебя? Правда, ты имѣешь на то право, потому-что вдвое старѣе сл.

— Ты становишься дерзокъ, Асмодей!

— Бѣдное дитя! отвѣчалъ Асмодей съ кротостью, не гармониравшею съ его дьявольскимъ костюмомъ, я буду не-

премѣнно справедливъ. Ремесло журналиста очень трудно; со всѣхъ сторонъ нападаютъ на него зависть, ненависть, оскорбленное самолюбіе; ему стоить разъ нечаянно ошибиться и онъ навсегда лишается благосклонности публики: никто и не хочетъ подумать, что журналистъ способенъ на доброе дѣло, чтобъ избавить отъ труда благодарить его. Если журналистъ снисходителенъ, его назовутъ слабымъ, если строгъ, назовутъ завистливымъ... Журналистъ живетъ въ бѣдности и неизвѣстности, смѣясь и плача въ назначенное время, смотря по требованію журнала; онъ забавляетъ васъ въ то время какъ хороводитъ его жену или дочь; расхваливаетъ современные моды и въ тотъ же день отдастъ передѣлать въ третій разъ свой единственный фракъ; восхваляетъ роскошные ужины Вашета и Вефура, а самъ завтракаетъ лицомъ въ смятку; распространяется о неудобствѣ современныхъ экипажей, а самъ рѣдко ѣздитъ въ омнибусѣ. Вотъ жизнь журналиста! жизнь, полная трудовъ, самоотверженія, горя и неудачъ. Бѣдный труженикъ работаетъ одинъ въ своей мансардѣ; единственные друзья его—кошка или собака; перо—его любовница; если журналистъ захвораетъ, его свезутъ въ госпиталь; если умретъ—тѣло бросятъ въ общую могилу. Что скажете объ этой картинѣ?.. Наше назначеніе трудно,—не дѣлайте его невозможнымъ. Истинная мудрость избѣгаетъ опасности, а не одолеваетъ ее; буду откровененъ... я боюсь васъ, позволите мнѣ уйти...

— Вы бонтеся меня? повторило съ грустью домино; неправда, вы отталкиваете мою любовь, потому что любите Рафаэлу!..

— Да, я люблю Рафаэлу, люблю ея талантъ, который развился передъ моими глазами, ея чистую, благородную душу, ея доброе сердце. Еслибъ она была только красавица, я не любилъ бы ее. Вы видите, я всегда былъ откровененъ съ вами!—Соперница Рафаэлы не разъ уже жаловалась на откровенность Асмодеев, однако не разсердилась на этотъ разъ и спокойно спросила:

— И такъ вы любите Рафаэлу? она вамъ платитъ взаимностью?

— Не думаю...

— А еслибъ она васъ любила?..

— Я былъ бы счастливѣйшій изъ смертныхъ, но это невозможно! Молодая, прелестная актриса, любимица публики, не можетъ любить такъ, какъ я того хочу; я жажду идеальнаго счастья, а его нѣтъ на землѣ.

— Вы ошибаетесь, вамъ предлагаютъ такое счастье и любятъ васъ, неблагодарный!—При этихъ словахъ домино сняло маску; передъ Асмодеемъ стояла сама Рафаэла, съ своими чудными черными глазами, прелестной улыбкой, восхитительной ручкой, которую и протянула Асмодееву въ знакъ вѣчнаго союза. Свадьба назначена послѣ поста и тутъ кончается романъ. Остановимся и мы на его лучшей страницѣ и перейдемъ къ предметамъ болѣе прозаическимъ. Два мѣсяца тому назалъ, Жоржъ Сандъ написала Александру Дюма слѣдующее письмо:

Братъ и другъ!

«Прошу васъ помочь одной моей подругѣ. Вы ее полю-

бите непремѣнно, потому что она также добра какъ и вы, и надѣюсь исполните ея просьбу, такъ какъ она проситъ помощи въ святомъ дѣлѣ. Нѣсколько словъ вашего пера въ *Монте Кристо* производятъ чудеса;—сдѣлайте же чудо для бѣдныхъ сиротокъ, о которыхъ она хочетъ съ вами говорить.

Не забудьте отсутствующаго друга, любящаго васъ отъ всего сердца

Жоржъ Сандъ».

Поганъ, 17 декабря, 1857 года.

Многіе удивляются таланту Дюма, по немногіе знаютъ его превосходное сердце. Дюма припаялъ подругу г-жи Сандъ и когда она объяснила ему цѣль своего пріѣзда (дѣло шло объ улучшеніи института *св. Ангеловъ*) авторъ *Мужкетеровъ* взялъ перо и написалъ своимъ читателямъ слѣдующія строки:

«Г-жа Сандъ сдѣлала;—что могла, обратившись ко мнѣ я въ свою очередь обращаюсь къ вамъ; если и это не удастся, мы обратимся къ Богу!»

Но дѣло удалось какъ нельзя лучше и сиротскіи институты въ улицѣ Вожираръ, съ помощью добрыхъ людей, теперь процвѣтаетъ. Воспитаніемъ молодыхъ сиротъ занимаются монахи подлѣ управленіемъ дамъ патронессъ. Учредители этого благотворительнаго заведенія дадутъ въ скоромъ времени концертъ въ пользу своихъ сиротъ; въ этомъ концертѣ примутъ участіе г-жа Камбарди, пѣвцы Бюссинъ и Септъ-Фоа, скрипачъ Алларъ, Боттезини и Когенъ.

Въ артистическомъ, литературномъ и театральномъ мірѣ прозвезла большое впечатлѣніе три статьи г. Филиппи, напечатанныя въ *Revue et gazette des théâtres*, о постройкѣ *новой залы для оперы*. Кажется планъ новаго предпріятія уже назначенъ и отель *Осмондъ* приметъ названіе *Императорской музыкальной академіи*. Итакъ у насъ въ Парижѣ будетъ своя опера, достойная вполне Франціи и цѣлой Европы.

Заговоривъ объ оперѣ, прибавимъ, что давно-возвѣщенная опера Флотова: *Марта*, не имѣла никакого успѣха на Итальянской сценѣ. Мы слушали *Марту* разъ двадцать въ Германіи и не узнали ее исполненной итальянцами. Мѣсто граціозному произведенію Флотова скорѣе на Лирическомъ Театрѣ, и мы вполне увѣрены, что г. Карвало прерадушно принялъ бы хорошепъкую Нѣмку.

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Гриси возвратилась въ Парижъ изъ Англіи и поивится на-дняхъ въ *Трубадуръ*.—Знаменитая пѣвица побывала въ Шотландіи и въ Ирландіи вмѣстѣ съ извѣстнымъ антрепренеромъ Жюльеномъ; въ ея концерты стекалась многочисленная публика; въ Ирландіи могли еще восхищаться остатками ея когда-то великолѣпнаго голоса, но Парижане аплодируютъ г-жѣ Гриси только въ память ея прежней славы. Лирическій Театръ возобновилъ *Севильскаго цирюльника*. Въ сценѣ урока г-жа Міоланъ-Карвалло исполняетъ варіаціи Роде съ своимъ обыкновеннымъ искусствомъ; Мопжозъ очень

хорошъ въ роли графа Альмавивы. На сценѣ Большой Оперы г-жа Арто продолжаетъ свои дебюты въ *Пророкъ*, а г-жа Лафонъ по-прежнему хороша въ *Жидовкѣ*. Лучшая пѣвица Большой Оперы г-жа Лаутерсъ вышла недавно замужъ за тепора Гемара. Она будетъ пѣть вмѣстѣ съ мужемъ въ ожидаемой оперѣ Галеви: *la Magicienne*.—Новый директоръ Комической Оперы г. Рокеллапъ не совѣтъмъ удачно началъ свою должность; первая опера данная подлѣ его управленіемъ была *Венеціанскій карнавалъ*, не имѣвшая ни какого успѣха, не смотря на талантъ г-жа Кабель; за тѣмъ возобновлены *Фра-Дьяволо* и *Невѣста*, но и эти любимыя произведенія Обера не пашли слишкомъ горячихъ поклонниковъ.

Французскій Театръ возобновилъ комедію Бомарше: *Le Mariage de Figaro*; Брессапъ превосходенъ въ роли графа Альмавивы, г-жа Плесси изящно передаетъ роль графини, хотя и можно-бы пожелать поменьше афектаціи; Огюстипа Броганъ—преостроумная Сусанна, способная испугать великаго другаго мужа, только не Фигаро.—Кстати объ Огюстинѣ Броганъ: эта талантливая артистка назначена профессоромъ декламаціи въ консерваторіи, на-мѣсто Рашели.—Театръ *Porte-Saint-Martin* принялъ новую драму г. Гугельмана: *Aldara la Mosque*, о которой мы уже писали въ прошедшемъ номерѣ. Г. Гугельманъ написалъ недавно драму подлѣ названіемъ: *le Fils d'aveugle*, игранную на театрѣ *Ambigu Comique*, имѣлъ за нее процессъ съ авторомъ драмы *Aveugle*, данной на театрѣ *Gaite*, хотя многіе утверждали, что драма Гугельмана совершенная копія съ знаменитой піесы Бушарди: *le Sonneur de Saint Paul*. Пыльшій разъ г. Гугельманъ позаимствовался у Виктора Гюго и хотя назвалъ дѣйствующихъ лицъ историческими именами, Гонзалва, Филиппа австрійскаго, Жанны кастильской, но содержаніе необыкновенно схоже съ драмой Гюго: *Марія Тюдоръ*. Королева Жанна вступаетъ въ бракъ съ Филиппомъ австрійскимъ и любитъ страстно своего мужа; по опъ каждый вечеръ проводитъ у прекрасной Мавританки Альдара. Мы забыли прибавить что дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, въ то время какъ Мавры изгнаны изъ Гренады. Альдара, дочь послѣдняго короля Гренады, желая отомстить королевѣ за смерть отца, за отчизну и религію, слушаетъ снисходительно любовь Филиппа и обѣщаетъ принадлежать ему въ тотъ день, когда онъ будетъ превозглашенъ королемъ. Одинъ изъ его агентовъ объявляетъ Жанну безумной. Филиппъ торжествуетъ; онъ уже принимаетъ поздравленія отъ всѣхъ придворныхъ; Альдара подноситъ ему отравленный кубокъ, по въ это самое время Жанна, узнавъ казнь своей соперницы, вторгается въ тронную залу и опровергаетъ клевету. Филиппъ умираетъ отъ яду; соперницы объясняются; Альдара все еще хочетъ мстить, но Жанна, какъ истинная христіанка, проповѣдуетъ о прощеніи врагамъ и сценой замствовавшей изъ *Альзиры* уговариваетъ Мавританку принять католическую вѣру. Между тѣмъ Мавры подступаютъ къ Бургосу, но Испанцы одерживаютъ побѣду, корона снова принадлежитъ Жаннѣ, которая на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ сходитъ съ ума при видѣ тупа Филиппа. Вотъ содержаніе этой драмы. Во время Масляницы появился на

сценѣ театра *Folies Dramatiques* фарсъ водевилъ гг. Гюге и Буасело, подѣ названіемъ: *Trois nourrissons en carnaval*, карнавальная шутка, заставляющая зрителей хохотать до упаду. Прибавивъ еще нѣскольکو веселыхъ водевилей и комедій, даппыхъ на прочихъ театрахъ; изъ комедіи особенно пользовались постояннымъ успѣхомъ: *le Fils naturel*, Дюма сына и *la Leunesse* Эмиля Ожье; вотъ все что представилъ карнавалъ нынѣшняго года.

Въ Берлинѣ въ аристократическомъ кругу произвело большое волненіе поступленіе на сцену одной знатной дамы. Ее зовутъ графиня Мервельдъ, урожденная Бисмаркъ-Шенгаузенъ; она близкая родственница представителя Прусской державы на Германскомъ сеймѣ. Графиня Мервельдъ дебютировала надняхъ въ Веймарѣ, въ комедіи *Фіаммина*. Концерты г-жи Виардо по-прежнему отличаются многолюдствомъ; самое избранное общество собирается слушать пѣвицу, которая равно превосходна въ оперѣ и въ концертахъ. Полина Освальдъ, членъ парижской Академіи изящныхъ искусствъ, пріѣхала въ Берлинъ и будетъ читать музыкальныя лекціи фортепианной игры.

Въ Вѣнѣ дана опера Галеви: *Кипрская королева*, для которой нарисованы пять новыхъ декораций и заказаны новые костюмы. Ангажированный въ Вѣну парижскій теноръ Роже будетъ дебютировать въ роли Жоржа Брауна въ *Бьянка*. Въ скоромъ времени на вѣнскомъ театрѣ появится новая опера Мозенталя, которую очень хвалятъ, — она называется: *Скрипка Моцарта*.

Въ Магдебургѣ пріѣхала молодая миланская артистка Ефросина Берди, играющая прекрасно на скрипкѣ. Въ одномъ изъ концертовъ въ Казино г-жа Борди исполнила съ удивительнымъ искусствомъ *Souvenir de Bellini*, фантазію Арто, и *Air varié* Вьетана. Молодая артистка кромѣ таланта обладаетъ прелестною наружностью, что не мало способствовало ея блестящему успѣху. Въ этомъ же концертѣ исполнены *Четыре времени года* Гайдна.

Въ Лейпцигѣ вышла недавно первая часть біографіи Генделя, издаваемой Кризандеромъ. Въ лейпцигской Пѣвческой академіи скоро будетъ исполнена ораторія Рейнталера: *Jertha*. Лиетъ, какъ пишутъ изъ Веймара, отправится къ Пасхѣ въ Левенбергъ (въ Силезію) къ герцогу Гогенцоллернскому, пригласившему знаменитаго виртуоза дирижировать оркестромъ въ его придворной капеллѣ. Въ Веймарѣ готовятся три новыя оперы: *Pienци*—Вагнера, *Сотала*—Соболевскаго, *Вейнсбергскія женщины*—Шмига. Лиетъ продолжаетъ трудиться для искусства. Преданный душой и сердцемъ музыкѣ будущности, онъ старается всеми силами объ усовершенствованіи нѣмецкой музыки. Онъ могъ бы блистать въ Америкѣ и предпочитаетъ жить уединенно въ Веймарѣ.

Во Флоренціи Филармоническое общество продолжаетъ давать классическіе концерты, хотя Итальянцы не большіе охотники до подобной музыки. Здѣсь открыли комическую оперу Доницети подѣ названіемъ: *Pina*, еще не игранную ни на одномъ театрѣ.

Въ Неаполѣ очень поправилась комическая опера Джіованни Цоболі: *Цезарь и Клеопатра*. На театрѣ Санъ-Карло

представлена въ первый разъ новая опера Верди: *Гу-ставъ III*.

Въ Нью-Йоркѣ наши старые знакомые, Формезъ и г-жа де Лагранжъ, восхищаются публику въ *Севильскомъ цирюльничкѣ*. Первый неподражаемъ въ роли донъ-Базиліо, а г-жа де Лагранжъ—превосходная Розина. Во второмъ актѣ, въ сценѣ урока, она поетъ венгерскія пѣсни и вальсъ своего сочиненія. Въ здѣшней академіи исполнена ораторія Гайдна: *Сотвореніе міра*, 50 музыкантами и 300 хористами. Формезъ отличается въ Нью-Йоркѣ исполненіемъ пѣсень Шуберта; особенно хорошо поетъ онъ балладу: *Der Wanderer*, которой Тальбергъ аккомпанируетъ на фортепиано.

Въ Филадельфіи Вьетапъ производитъ фуроръ и далѣ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ 25 концертовъ.

Почти всѣ иностранныя журналы извѣстили о смерти г-жи Фрецолини. Она умерла на дорогѣ въ Мексико, куда была ангажирована на нѣсколько представлений. Рѣшительно Америка губительно дѣйствуетъ на европейскіхъ артистовъ,—примѣромъ тому г-жа Зонтагъ, умершая отъ холеры въ Мексикѣ, и Рашель, разстроившая окончателно свое здоровье поѣздкой въ Соединенные Штаты. Впрочемъ извѣстіе о смерти г-жи Фрецолини не беремъ подтверждать, зная съ какою легкостью иностранныя журналы хоропятъ всѣ знаменитости.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ШАНСТА.

(Разсказъ Морица Бермана.)

Въ 1835 году, пароходъ *Теодоръ* плывъ по Сенѣ и направлялся, какъ всегда, отъ берега города Мелена къ Парижу. Въ Меленѣ онъ остановился на нѣкоторое время и число его пассажировъ значительно увеличилось. Скоро на палубѣ завязался общій разговоръ о казни преступника, совершившейся часъ тому назадъ въ вышеупомянутомъ городѣ; случай былъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что палачъ паходился также на пароходѣ.

Хотя въ наше время палачу и не отказываютъ, какъ парій, въ погребеніи, но все еще есть люди, которые въ присутствіи его чувствуютъ отвращеніе и съ трудомъ скрываютъ это чувство. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобнаго случая въ Вѣнѣ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, каждый вечеръ собирались въ одну скромную гостиницу предмѣстья нѣсколько стариковъ и молодыхъ людей, художниковъ и литераторовъ. Намъ было сперва 10 человекъ, потомъ прибавилось еще десять и наконецъ общество распространилось до тридцати; мы составляли тѣсный, неразрывный союзъ, дружно поддерживаемый всѣмъ. Въ нашемъ обществѣ было много веселыхъ, остроумныхъ людей, и не разъ посетители гостиницы прислушивались къ веселымъ пѣснямъ, хорамъ, шуткамъ и т. д. Скоро къ нашему кругу присоединился еще одинъ человекъ, сидѣвшій прежде всегда за особымъ столомъ. Мы охотно приняли незнакомца; онъ былъ образованъ, разговорчивъ и главное отличался истинно вѣнскою веселостью. Нѣсколько недѣль сряду онъ каждый вечеръ проводилъ съ нами. Однажды незнакомецъ не явился; мы

отъ-души горевали объ его отсутствіи и терлись въ догадкахъ, что могло съ нимъ случиться. Одинъ изъ посѣтителей вмѣшался въ нашъ разговоръ. Господа, сказалъ онъ, вы можете быть перестанете такъ сильно жалѣть объ отсутствіи этого человѣка, когда узнаете, кто онъ!— Кто же онъ? вскричали всѣ въ одинъ голосъ. Палачъ изъ "........ Можно себѣ вообразить наше изумленіе. Незнакомецъ, явившись на другой день въ общую залу, сейчасъ же замѣтилъ, несмотря на любезность бѣльшей части общества, у нѣкоторыхъ членовъ нашего круга какую-то патянувость въ обращеніи и какъ умный человѣкъ тотчасъ понялъ эту перемѣну.

Онъ не далъ ничего замѣтить, но однажды, когда человѣкъ, открывшій намъ его званіе, не явился въ гостиницу, онъ сказалъ: «Господа, я исполнилъ цѣлю ваше расположеніе ко мнѣ, но все-таки замѣчаю, что многіе изъ вашего круга стали обходиться со мною довольно холодно и потому заключаю, что вамъ уже извѣстно, кто я? Одинъ только человѣкъ могъ назвать меня здѣсь; правда, онъ хорошо меня знаетъ и стоялъ когда-то у позорнаго столба,—я самъ его привязывалъ. Конечно мы стали его увѣрять въ нашемъ уваженіи и удалили изъ нашего круга паговорщика. Но возвратимся къ разсказу.

На палубѣ парохода замѣтно было прѣрванное волненіе. Всюду образовались группы, всѣ съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидали прибытія на пароходъ палача, думая, что такой человѣкъ долженъ же чѣмъ нибудь отличаться отъ прочихъ. Правда, онъ не явился бы, какъ въ старинныя времена, въ красномъ плащѣ и съ сѣкирой или пожемъ, но все же палача можно узнать тотчасъ же съ перваго взгляда.

Вдругъ явился новый пассажиръ, безъ сомнѣнія ожидаемый палачъ. То былъ высокій, здоровый мужчина; темная шинель на красной подкладкѣ была небрежно накинута на плеча; красный галстухъ криво висѣлъ на полуобнаженной шеѣ, всѣ черты выражали тупое невѣжество. Вновь прибывшій подошелъ къ рулю, положилъ на полъ дорожный мѣшокъ, въ которомъ вѣроятно лежали веревки, гвозди и лоскутки отъ платья казеннаго и сѣлъ на скамейку, потомъ потребовалъ бутылку краснаго вина и съ веселой сатанинской улыбкой любовался, какъ вино искрилось въ хрустальномъ стаканѣ.

Общій шепотъ. Всѣ пассажиры отошли отъ него подале. Въ числѣ любопытныхъ, быстро удалившихся отъ скамьи палача, паходился молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, съ тонкими чертами лица и изящными манерами; онъ пересѣлъ на противоположную скамью, подлѣ одного стараго господина. Сосѣду молодого человѣка было за 60 лѣтъ. Наружность его выказывала истиннаго джентельмена и человѣка весьма образованнаго, судя по разговору. Старый джентельменъ тотчасъ же замѣтилъ, какъ всѣ пассажиры, съ какимъ-то испугомъ и даже отвращеніемъ, отошли отъ толстаго незнакомца; изъ ихъ разговоровъ онъ узналъ, что заставило ихъ такъ быстро удалиться отъ прибывшаго:

— Молодой человѣкъ, пачалъ онъ, обращаясь къ своему сосѣду, и вы также заразились общимъ предразсудкомъ и

бонтесь сѣсть подлѣ человѣка, котораго самъ король назначилъ орудіемъ правосудія?

— Не отпираюсь, былъ кроткій отвѣтъ юноши, я поневолю долженъ подчиняться обществу: я артистъ — музыкантъ.

— Вы бонтесь, что если кто-нибудь изъ лицъ, встрѣчавшихся съ вами въ аристократическомъ кругу, увидитъ васъ подлѣ палача, то разскажетъ въ свѣтъ?

— Вы угадали, милостивый государь. Я Полякъ и смѣю сказать, наша нація не чужда состраданія. Никогда не выѣзжая изъ отечества, я занимался сперва музыкой по собственной охотѣ, но четыре года тому назадъ революція заставила меня выѣхать изъ Польши. Съ тѣхъ поръ музыка сдѣлалась для меня единственнымъ средствомъ къ существованію и потому я долженъ покоряться требованіямъ свѣта. Я объѣздилъ всю Германію и всюду встрѣчалъ радушный приемъ. Те-перь живу въ Парижѣ и очень доволенъ своимъ успѣхамъ.

— Нисколько въ томъ не сомнѣваюсь; вашъ талантъ многимъ извѣстенъ въ Парижѣ, г-нъ Шопенъ!

— Какъ? Вы меня знаете?

— Я очень люблю музыку и не пропускаю ни одного изъ вашихъ концертовъ. Надѣюсь вы не примите мои слова за лесть? Ваша игра увлекательна въ высшей степени и выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Что можетъ быть лучше на примѣръ игры и композиціи Гуммеля, Калькбренера, Мошелеса?—но оригинальность вашей игры выказала намъ музыкальное искусство съ новой стороны, до тѣхъ поръ еще неизвѣстной въ Парижѣ. Изучая знаменитыхъ композиторовъ, вы не припали ихъ стареотинной методы. Мы, дилетанты, находимъ въ васъ одинъ только недостатокъ:—ваши сочиненія слишкомъ трудны. Аппликатуры у васъ часто грѣшатъ противъ правилъ, по за то изобилуютъ восхитительными, неподражаемыми эффектами;—не даромъ васъ называютъ царемъ пианистовъ!

— Вы слишкомъ добры, милостивый государь; есть много прекрасныхъ молодыхъ пианистовъ,—на примѣръ, Геррихъ Герцъ!

— *Фортепьянный щеголь*, и больше ничего, по моему мнѣнію; его мишурная жеманная игра напоминаетъ кокетку, жаждущую нравиться; Герцъ хорошій учитель музыки—и только!

— А Фрапцъ Гюнтенъ?

— Дѣятельный преподаватель и композиторъ, прекрасный, благородный человѣкъ, но никакъ не виртуозъ.

— А Листъ?

— Листъ—замѣчательное явленіе въ нынѣшнемъ музыкальномъ мірѣ и потомство исполнитъ его гениальный талантъ.

— Робертъ Шуманъ?

— Вашъ двойникъ, г. Шопенъ, Шуманъ — гениі какъ Листъ и вы.

— Вы приберегли этихъ двухъ виртуозовъ къ концу?

— Да, и признаю только трехъ виртуозовъ въ мірѣ: Шопена, Листа и Шумана!— Но что это? какая тишина, всѣ замолкли, что случилось?

МУЗЫКАЛЬНЫЕ АНЕКДОТЫ.

Маріонъ Делормъ, знаменитая своею красотою, умомъ и дожившая до глубокой старости, была превосходной музыкантшей. Вотъ что говоритъ объ ней шевалье де Граммонъ въ своихъ запискахъ.

— «Маріонъ была прелестнѣйшая изъ женщинъ Франціи, но капризы ея часто доходили до сумасбродства. Она превосходно играла на лютиѣ и восхищала своимъ талантомъ попеременно кардинала Ришелье и Сень-Марса. Она прекрасно акомпанировала и пѣла съ большимъ чувствомъ.

Этой необыкновенной женщинѣ приписывали множество вымышленныхъ приключеній. Достоверно только, что она прожила до 134 лѣтъ. Разслабленіе умственныхъ способностей ускорило ея смерть: Маріонъ умерла въ крайней бѣдности, обокраденная своею прислугой. Въ послѣдніе годы жизни она походила на высохшую мумію и едва могла ходить, но по странному стеченію обстоятельствъ музыкальное чувство пережило все прочіе въ этой дряхлой организаціи,—голосъ Маріонъ не терялъ своей свѣжести и прелести...

Шевалье де Граммонъ, знаменитый своими записками, былъ замѣчательный музыкантъ. Попавъ въ немилость при французскомъ дворѣ, онъ уѣхалъ въ Англію, и очарованный удивительнымъ голосомъ дѣвочки Гамильтонъ, предложилъ ей руку и сердце. Призванный снова во Францію, Граммонъ позабылъ о своей женитбѣ и спѣшилъ уѣхать изъ Англіи, но братъ молодой дѣвушки догналъ его въ Дуврѣ и спросилъ:

— Шевалье, вы ничего не забыли въ Лондонѣ?

— Виповать, я забылъ жениться на вашей сестрѣ.

Онъ воротился назадъ и обвѣнчался съ миссъ Гамильтонъ. Шевалье де Граммонъ былъ выбранъ Людовикомъ XIV для исполненія главной роли въ балетѣ Кипо: *Торжество Амура*, даннымъ въ Сень-Жерменѣ.

Удивляясь съ энтузіазмомъ таланту Вестриса, котораго называли *прекраснымъ Вестрисомъ* за его стройный ростъ и благородную осанку, посетители оперы часто смѣялись надъ его чрезмѣрнымъ тщеславіемъ. Увѣрили, что онъ считалъ себя однимъ изъ трехъ великихъ людей того вѣка и даже назначалъ себя первое мѣсто въ знаменитомъ триумвиратѣ.

— Я, Вольтеръ и великій Фридрихъ,—говорилъ онъ часто съ непоколебимой самоувѣренностью.

Одинъ разъ, послѣ безсчетныхъ вызововъ и восторженнаго приѣма публики, Вестрисъ величественно далъ поцѣловать ногу одной изъ своихъ ученицъ, которая поклонилась ему какъ идолу. Лагарпъ приводитъ слѣдующій анекдотъ о представленіи, въ которомъ участвовалъ знаменитый танцоръ:

«Герцогъ Роганъ пріѣхалъ въ театръ въ то время какъ танцевалъ Вестрисъ; герцога встрѣтили съ оглушительными рукоплесканіями. Вестрисъ принялъ эти аплодисменты на свой счетъ и началъ выдѣлывать такіе антраша, что публика тотчасъ замѣтила его ошибку и стала смѣяться. Оркестръ пересталъ играть, а Вестрисъ все еще танцевалъ.

Въ самомъ дѣлѣ на палубѣ пастала мертвая тишина; все прислушивались къ разговору, завязавшемуся у руля, между толстымъ человѣкомъ съ краснымъ галстукомъ и однимъ изъ пассажировъ.

— Въ вашей должности много заботъ и мученій, — не такъ ли? спрашивалъ пассажиръ.

— У! пересказать нельзя всѣхъ хлопотъ, отвѣчалъ толстякъ. Я долженъ постоянно держать свой инструментъ въ карманѣ и беречь его пуще глаза, чтобъ остался всегда Вострымъ,—иначе нельзя отрубить головы съ одного раза.

Двумъ дамамъ сдѣлалось дурно, но разговаривающіе ничего не замѣчали и продолжали свою бесѣду.

— Имѣете вы постоянно работу?

— Всегла. Мои дѣла идутъ хорошо,—особенно съ тѣхъ поръ какъ я придумалъ новую машину; ни разу не далъ промаху и въ нынѣшнемъ году отрубилъ уже до 30 головъ.

— Безъ посторонней помощи?

— Только когда нужно зарывать въ землю, беру себѣ помощниковъ.

При послѣднихъ словахъ толстякъ закричалъ проходившему гарсону: Долго ли мнѣ придется ждать второй бутылки краснаго вина! неси же скорѣе, палачъ!

Прислужникъ подошелъ очень близко къ толстяку и отвѣчалъ съ гнѣвомъ: милостивый государь, я запрещаю вамъ называть меня, почтеннаго человѣка, вашимъ именемъ.

— Моимъ именемъ? Что ты врешь, дуракъ?

— Да, да, вашимъ именемъ, вѣдь васъ все здѣсь знаютъ. Не сами ли вы сейчасъ сказали, что рубите головы, копаете могилы съ своими помощниками. Нечего скрывать, вы тотъ самый палачъ, который сегодня въ Мелеиѣ казнилъ преступника.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! вскричалъ толстякъ и громко захохотавъ вынулъ свой паспортъ изъ дорожнаго мѣшка; сосѣдъ его прочелъ въ слухъ: «Шверъ Гепенъ, садовникъ, изобрѣтшій новый инструментъ для прививанія растений и для срѣзыванія головокъ цвѣтовъ».

Раздался общій смѣхъ и не умолкалъ до самой пристани. Когда пароходъ присталъ къ берегу, мнимый палачъ вѣжливо раскланялся и удался.

Оба любителя музыки также разстались самымъ дружескимъ образомъ.

— Милостивый государь, сказалъ Фридрихъ Шопенъ при прощаніи, отъ-души благословляю смѣшное приключеніе, доставившее мнѣ случай сблизиться съ вами. Вижу, что вы большой дилетантъ, и желалъ бы знать ваше имя и сохранить его надолго въ своихъ воспоминаніяхъ.

— Г. Шопенъ, я дилетантъ, охотно играю на фортепiano, страстно люблю музыку и посвящаю ей все свободное время, но главное мое занятіе другое;—и старикъ прибавилъ шепотомъ: я Генрихъ Сапсонъ, парижскій палачъ!...

КОНЦЕРТЪ

ГГ. МОНТИНИ, ПРЮМА И АНТОНА КОНТСКАГО.

Слѣшимъ сообщить читателямъ нашимъ интересную и небывалую въ музыкальномъ нашемъ мѣрѣ новинку. Въ будущей четвергъ, 27 февраля, въ Большомъ Театрѣ назначенъ концертъ трехъ первостепенныхъ артистовъ, — явление истинно небывалое! По настоящее время артисты обыкновенно давали концерты порознь, и при дорогихъ цѣнахъ, большинство любителей невольно должно было отказываться отъ удовольствія знакомиться съ посѣщающими нашу столицу талантами. Соединеніе трехъ артистовъ въ одномъ концертѣ, не говоря уже объ удобствахъ въ отношеніи экономическомъ, въ высшей степени интересно и представляетъ возможность составить самую разнообразную программу и слѣдовательно обѣщаетъ много наслажденій. Слушатель присутствуетъ въ одинъ вечеръ на трехъ концертахъ, знакомится съ тремя талантами и избавленъ отъ той монотонности и вѣдствіе того неизбѣжной скуки, которыя онъ долженъ болѣею частью переносить, слушая игру на одномъ инструментѣ, хотя-бы исполненію отличнымъ артистомъ. Концертъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ особенности замѣчательный: г. Монтини мастерскою своею игрою обратилъ на себя вниманіе всѣхъ нашихъ меломановъ, — въ гостиныхъ только о немъ и толкуютъ; г. Прюмъ, хотя еще молодой артистъ, но занимаетъ уже почетное мѣсто на-ряду съ известными скрипачами, — онъ достойный преемникъ своего дяди; Антонъ Контскій — имя, кажется, довольно известное, чтобы не нужно было что-нибудь прибавлять; и такихъ-то артистовъ услышимъ въ одномъ концертѣ! Они исполнятъ между прочимъ трио, — нужно-ли послѣ этого распространяться? Вотъ вамъ программа, читайте, и вѣроятно согласитесь съ нами, что она обѣщаетъ много наслажденій, намъ же остается только прибавить, что и Москвичей ожидаетъ подобное удовольствіе. 4 марта программа эта будетъ вполне повторена въ Москвѣ, тоже въ Большомъ Театрѣ. Поневсѣя подумаешь, какая благодать желѣзные дороги! Итакъ вотъ программу:

Часть 1-я

- 1) Увертюра.
- 2) Фантазія на мотивъ изъ «Аппи Боленъ» соч. и исп. Монтини.
- 3) Концертъ (ut - majeur), исп. Антонъ Контскій Моцартъ.
- 4) Фантазія-капризъ, исп. г. Прюмъ. Вьетавъ.
- 5) «Meditation» на прелюдію Баха, исп. гг. Монтини, Прюмъ и Антонъ Контскій Гуно.

Часть 2-я

- 1) Увертюра.
- 2) Варіаціи на романсъ (Si loin) исп. г. Монтини Монтини.
- 3) Фантазія на мотивы изъ Макбета, соч. и исп. Антонъ Контскій.
- 4) Концертное соло на мотивы изъ Фрейшюца, исп. г. Прюмъ. Мезеръ.
- 5) Большой капризъ на венгерскую польку, соч. и исп. Антонъ Контскій.
- 6) Финалъ большимъ оркестромъ.

НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАСОВЪ.

Билеты можно получать у г. Антона Контекаго, на углу Михайловской площади и Инженернаго переулка, д. Крылова, кв. № 33, въ бель-этажѣ.

КОНЦЕРТЪ Г. КАРАТЫГИНА.

Въ будущую пятницу на Александринскомъ Театрѣ назначенъ, въ пользу режиссера русской оперы Каратыгина, концертъ, въ которомъ примутъ участіе артисты Русской оперы, г-жи: Булахова, Леонова, Латышева, гг. Сѣтовъ, Булаховъ, Петровъ, Артемовскій, Гумбинъ; ученики капельмейстера Риччи, Васильевъ, Мео, арфистъ Цабель и другіе: оркестръ и хоръ Русской оперы подъ управленіемъ К. Лядова. Въ составѣ этого концерта между прочимъ войдутъ слѣдующіе номера: увертюра изъ оперы «Сѣверной звѣзды» и интродукція; дуэтъ изъ Трубадура (il Trovatore), исполнять: г-жа Леонова и г. Сѣтовъ; квартетъ изъ оперы «Риголетто», исполнять: г-жи Булахова, Латышева, гг. Сѣтовъ и Васильевъ; арія изъ 2 дѣйствія оперы «Норма», исполнитъ г. Васильевъ съ хоромъ; дуэтъ изъ оперы «Семирамида», исполнять: г-жа Латышева и г. Васильевъ; дуэтъ изъ оперы Робертъ, исполнять гг. Петровъ и Булаховъ; финалъ 3-го дѣйствія (гимнъ и известный хоръ бандитовъ изъ оперы «Фенелла») исполнитъ хоръ; интродукція изъ оперы «Семирамида», исполнитъ хоръ полковой музыкой; маршъ изъ оперы «Пророкъ», г. Васильевъ будетъ пѣть, «Борода-ль моя бородашка» г. Сѣтовъ: «Хуторокъ»; г-жа Латышева «Лучи-пушку» вечерній гимнъ; отшельниковъ изъ оперы Робертъ исполнитъ артисты и хоръ; живыя картины, въ которыхъ примутъ участіе первые артисты всѣхъ труппъ; въ числѣ картинъ будетъ поставлена художникомъ Матвѣевымъ известная картина Брюлова: «Послѣдній день Помая». Программа концерта говоритъ сама за себя и намъ остается только пожелать г. Каратыгину полного успѣха.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО

бывшемъ И. Пецѣ,

въ Большой Морской, въ домѣ Лауфгерта, поступили въ продажу для фортепiano въ двѣ руки:

ЗНАМЕНИТЫЕ 12 ПОЛОБЕЗОВЪ КНЯЗЯ М. ОГНИСКАГО.

Съ отлично-литографированной картиной, представляющей блестящій польскій балъ. Цѣна 2 р. 30 к. с. съ пересылкою 3 р. сер.

CÉLÈBRE QUATUOR

«Mi manca la voce»

de l'opéra «Zora»

de Rossini, transcrit pour piano par

A. Henselt et S. Thalberg.

Цѣна 75 к. сер.

АНГЛИЙСКІИ КАДРЕЛЬ (les Lanciers)

изъ русскихъ народныхъ пѣсень,

сочиненіе К. ЛЯДОВА.

Съ объясненіемъ фигуръ на русскомъ языкѣ. Цѣна 60 к. с.